

Аристофан Облака

В Афинах самым знаменитым философом был Сократ. За свою философию он потом поплатился жизнью: его привлекли к суду и казнили именно за то, что он слишком многое ставил под сомнение, разлагал (будто бы) нравы и этим ослаблял государство. Но до этого было пока еще далеко: сперва его только вывели в комедии. При этом приписали ему и такое, чего он никогда не говорил и не думал и против чего сам спорил: на то и комедия.

Комедия называлась «Облака», и хор ее состоял из Облаков — развевающиеся покрывала и почему-то длинные носы. Почему «Облака»? Потому что философы раньше всего стали задумываться, из чего состоит все разнообразное множество предметов вокруг нас. Может быть, из воды, которая бывает и жидкой, и твердой, и газообразной? или из огня, который все время движется и меняется? или из какой-то «неопределенности»? Тогда почему бы не из облаков, которые каждую минуту меняют очертания? Стало быть, Облака — это и есть новые боги новых философов. К Сократу это отношения не имело: он как раз мало интересовался происхождением мироздания, а больше — человеческими поступками, хорошими и дурными. Но комедии это было все равно.

Человеческие поступки — тоже дело опасное. Отцы и деды не задумывались и не рассуждали, а смолodu твердо знали, что такое хорошо и что такое плохо. Новые философы стали рассуждать, и у них вроде бы получалось, будто логикой можно доказать, что хорошее не так уж хорошо, а плохое совсем не плохо. Вот это и беспокоило афинских граждан; вот об этом и написал Аристофан комедию «Облака».

Живет в Афинах крепкий мужик по имени Стрепсиад, а у него есть сын, молодой щеголь: тянется за знатью, увлекается скачками и разоряет отца долгами. Отцу и спать не вмоготу: мысли о кредиторах грызут его, как блохи. Но дошло до него, что завелись в Афинах какие-то новые мудрецы, которые умеют доказательствами неправду сделать правдой, а правду — неправдой. Если поучиться у них, то, может быть, и удастся на суде отбиться от кредиторов? И вот на старости лет Стрепсиад отправляется учиться.

Вот дом Сократа, на нем вывеска: «Мыслильня». Ученик Сократа объясняет, какими здесь занимаются тонкими предметами. Вот, например, разговаривал ученик с Сократом, куснула его блоха, а потом перепрыгнула и куснула Сократа. Далеко ли она прыгнула? Это как считать: человеческие прыжки мы мерим человеческими шагами, а блошиные прыжки надо мерить блошиными. Пришлось взять блоху, отпечатать ее ножки на воске, измерить ее шажок, а потом этими шажками вымерить прыжок. Или вот еще: жужжит комар гортанью или задницей? Тело его трубчатое, летает он быстро, воздух влетает в рот, а вылетает через зад, вот и получается, что задницей. А это что такое? Географическая карта: вон посмотри, этот кружок — Афины. «Нипочем не поверю: в Афинах что ни шаг, то спорщики и крючкотворы, а в кружке этом ни одного не видно».

Вот и сам Сократ: висит в гамаке над самой крышею. Зачем? Чтоб понять мироздание, нужно быть поближе к звездам. «Сократ, Сократ, заклинаю тебя богами: научи меня таким речам, чтоб долгов не платить!» — «Какими богами? у нас боги новые — Облака». — «А Зевс?» — «Зачем Зевс? В них и гром, в них и молния, а вместо Зевса их гонит Вихрь». — «Как это — гром?» — «А вот как у тебя дурной воздух в животе бурчит, так и в облаках бурчит, это и есть гром». — «А кто же наказывает грешников?» — «Да разве Зевс их наказывает? Если бы он их наказывал, несдобровать бы и такому-то, и такому-то, и такому-то, — а они ходят себе живехоньки!» — «Как же с ними быть?» — «А язык на что? Научись переспоривать — вот и сам их накажешь. Вихрь, Облака и Язык — вот наша священная троица!» Тем временем хор Облаков слетается на сцену, славит Небо, славит Афины и, как водится, рекомендует публике поэта Аристофана.

Так как же отделаться от кредиторов? «Проще простого: они тебя в суд, а ты клянись Зевсом, что ничего у них не брал; Зевса-то давно уже нету, вот тебе ничего и не будет за ложную клятву». Так что же, и впрямь с правдой можно уже не считаться? «А вот посмотри». Начинается главный спор, На сцену

вносят большие корзины, в них, как боевые петухи, сидят Правда и Кривда. Вылезают и налетают друг на друга, а хор подзуживает. «Где на свете ты видел правду?» — «у всевышних богов!» — «Это у них-то, где Зевс родного отца сверг и заковал в цепи?» — «И у наших предков, которые жили чинно, смиренно, послушно, уважали стариков, побеждали врагов и вели ученые беседы». — «Мало ли что было у предков, а сейчас смирением ничего не добьешься, будь нахалом — и победишь! Иное у людей — по природе, иное — по уговору; что по природе — то выше! Пей, гуляй, блуди, природе следуй! А поймают тебя с чужой женой — говори: я — как Зевс, сплю со всеми, кто понравится!» Слово за слово, оплеуха за оплеуху, глядь — Кривда и впрямь сильнее Правды.

Стрепсиад с сыном радехоньки. Приходит кредитор: «Плати долг!» Стрепсиад ему клянется: «Видит Зевс, ни гроша я у тебя не брал!» — «УЖО разразит тебя Зевс!» — «УЖО защитят Облака!» Приходит второй кредитор. «Плати проценты!» — «А что такое проценты?» — «Долг лежит и прирастает с каждым месяцем: вот и плати с приростом!» — «Скажи, вот в море текут и текут реки; а оно прирастает?» — «Нет, куда же ему прирастать!» — «Тогда с какой же стати и деньгам прирастать? Ни гроша с меня не получишь!» Кредиторы с проклятиями убегают, Стрепсиад торжествует, но хор Облаков предупреждает: «Берегись, близка расплата!»

Расплата приходит с неожиданной стороны, Стрепсиад побранился с сыном: не сошлись во взглядах на стихи Еврипида. Сын, недолго думая, хватается палку и колотит отца. Отец в ужасе: «Нет такого закона — отцов колотить!» А сын приговаривает: «Захотим — возьмем и заведем! Это по уговору бить отцов нельзя, а по природе — почему нет?» Тут только старик понимает, в какую попал беду. Он взывает к Облакам: «Куда вы завлекли меня?» Облака отвечают: «А помнишь Эсхилово слово: на страданиях учимся!» Наученный горьким опытом, Стрепсиад хватается факел и бежит расправляться с Сократом — поджигать его «мыслильню». Вопли, огонь, дым, и комедии конец.